

ПНР

ПЕСНЯ, ПРОПЕТАЯ
СЕРДЦЕМ

КТО видит прославленную певицу только на телевизионном экране или в свете эстрадной лампы, покупает ее пластинки или читает восторженные рецензии о ее выступлениях, тот порой слагает легенды о безоблачной жизни звезды, которой недоступны, так они от нее далеки, обычные заботы, тревоги, радости.

Может, в таких легендах и есть какой-то смысл. Я тоже не хочу, чтобы звезды опускались на землю, но и из песни ведь слова не выкинешь... В первый раз я застал Анну Герман дома за стиркой. Чтобы быть до конца точным, тотчас после стирки. Поторопилась освободиться к приходу гостя. На крохотном балкончике уже трепетали по ветру ее разноцветные концертные наряды.

— Сама придумываю, крою, сама шью,— доверительно сообщает певица.— А что делать? Жизнь заставила. Естественно желание публики видеть артистку всегда хорошо одетой. До остального ей — и она, разумеется, права — дела нет. Знаете, что значит зависеть от модных портних? Нет, лучше рассчитывать на себя, ни от кого не зависеть.

Веселая и задумчивая, кроткая и твердая Анна Герман до смерти боится жаб и обожает московские пирожки с мясом (и еще с капустой). Не курит и к крепким напиткам равнодушна, не прочь подольше поспать, хотела бы заниматься спортом — да где там, любит дом и мечтает о высоких потолках. Счастлива, что занимается главным и любимым делом жизни — поет.

А началось все с того, что решительная и заботливая Янечка, подружка еще со школьных лет, без ведома Анны записала ее на прослушивание во Вроцлавскую эстраду. Там, во Вроцлаве, жила тогда семья Анны, там она занималась на геологическом факультете. Первую пробу Анна прошла и тут же получила приглашение на время летних каникул стать участницей небольшой эстрадной группы, выезжавшей гастролировать сначала по Нижней Силезии, а потом по Побережью. В каком-то небольшом городке получила из рук администратора первые самостоятельно заработанные деньги. Побежала по магазинам купить маме и бабушке подарки, и не медля выслала их по почте вместе с оставшимися деньгами.

Дипломную работу защитила на пятерку. Но уже знала, что

никогда не будет геологом. Коллебагия началась еще после средней школы. О пении тогда вообще не было речи — оно не принималось всерьез, так только, для себя, родных, друзей. С детства Анна хорошо рисовала, лепила, интересовалась художественной керамикой, чеканкой. Документы подала в Высшую школу изобразительных искусств. Но, прислушавшись к маминим советам, взяла их обратно и поступила на геологический. «Надо иметь в руках настоящее дело, профессию,— говорила мама, всю жизнь проработавшая преподавательницей иностранных языков,— а так ведь неизвестно, получится ли из тебя художник или нет, вдруг никому не понадобятся твои творения».

Теперь, по прошествии многих лет, Анна Герман ничуть не жалеет, что получила геологическое образование. Широкий круг дисциплин, практика на местности и под землей в шахтах, — все это в огромной степени способствовало формированию мировоззрения, характера.

НА МИРОВУЮ эстраду ее привели «Танцующие Эвридики», песенка, которая не забыта и по сей день. А впервые ее услышала публика в небольших городках и далеких госхозах. Анна Герман, начав выступать как профессиональная певица, стала артисткой Жешовской эстрады. Лучшей школы для начинающих и не придумаешь, считает она.

Маленькая кочующая труппа: все приходится делать самим, быть всегда в форме, не киснуть и товарищей поддерживать, делить поровну и радости и огорчения. И еще заметила Анна: чем дальше от крупных городов, от главных магистралей, тем сердечнее и непосредственнее прием. А чего стоит домашний бигос, которым после выступления потчевали радужные хозяева артистов, хлеб прямо из печи, румяный, вкусно пахнущий. Ни на какие пиры на свете не променяла бы этого Анна!

Песенка Катажины Гертнер

была написана словно бы специально для Герман. Она считает, что ей здорово повезло. И музыка, и слова, скорей даже не слова, а нарисованная словами пастельная картинка, и удачная аранжировка, и блестящая игра оркестра под управлением Стефана Рахоня на фестивале в Сопоте — все это было подобно божественному напитку, который надлежало, не расплескав, донести до слушателя, сделать его соучастником чуда рождения популярной песни. Сколько лет прошло с той поры, а «Эвридики» не забыты, любимы публикой...

— А как вы сами сейчас к ним относитесь? — спрашиваю я певицу и в первый раз вижу ее секундное замешательство. Но говорить неправду Анна Герман не может.

— Если бы вы только знали, как они мне надоели, — с неподдельным огорчением отвечает артистка.— Вот сейчас готовлюсь к гастролям в Советском Союзе, всегда для меня желанным, радостным, а сама с содроганием думаю, что ведь все-таки заставят спеть «Эвридики», особенно в Ленинграде. Там их почему-то всегда просят. Не будешь же объяснять, что в этот приезд — ансамбль новый, не репетировала с ним старых песен, да и нот не берем. Но если будут настаивать, придется петь.

Певицу можно понять. Как бы ни была хороша и памятна песня, рано или поздно она должна уступить место новым. Сейчас у Герман особенно много новинок — целая программа, в которой половина песен на русском языке, в том числе так растрогавшая многих на новогоднем «Голубом огоньке» пахматовская «Надежда». С нею она придет к нам в начале июля. Выступит в Москве, Ленинграде, сибирских городках, не минуя новосибирского Академгородка, — концерты польской певицы стали там уже традицией, которую она очень ценит, и надеется на взаимность слушателей.

Я навестил Анну Герман в самые жаркие дни, когда на-

чинались пробы новой программы. Занята она была безмерно. Достать репетиционный зал, сколотить инструментальный ансамбль, — своего у Герман нет, отобрать репертуар, договориться с друзьями-режиссерами о постановочных делах — свете и тому подобном, написать конференс, — это тоже Анна делает сама, — согласитесь, для одного человека совсем немало. А тут еще участие в концертах, и дом, семья.

Я не удержался и спросил инженера Збингева Тухольского, только что пришедшего с работы, легко ли быть мужем Анны Герман. «Легко», — ответил он, улыбаясь. Анна воспользовалась этим и невзначай сообщила ему, что, увы, обеда сегодня нет, — так она заработалась. Но и эта новость не погасила улыбки Збингева.

Артистка жаловалась, что конференс писался трудно — явно не хватало драматургического стержня, как, к примеру, в прошлой программе, где был рассказ о ее жизни. Но по тем отрывкам, которые мне довелось услышать, можно судить, что это очень остроумный и веселый текст, пронизанный яркой индивидуальностью певицы. Кстати, она впервые сама будет вести программу.

Гастроли для нее — всегда тяжелейшая работа. В день концерта не выходит из гостинич-

ного номера: сосредоточивается, повторяет тексты, словом, входит в атмосферу вечернего представления. «Понимаю, что, наверное, преувеличиваю, но ничего с собой поделат не могу».

Наверное, потому же не поддержала разговора, начатого мной о ее композиторской деятельности. «Что о ней говорить, — твердо сказала певица, — если у меня нет музыкального образования. Моя музыка только сопровождает хорошие стихи. Так было, когда ваш коллега, тележурналист Лебедев передал мне стихи Риммы Казаковой, — тогда родилась «Песня» о юных солдатах, почти мальчиках, героях минувшей войны».

И все-таки, мне кажется, в этом отношении Анна Герман излишне строга к себе. У нас мало кто знает, а ведь она написала музыку десяти песен «Освенцимской оратории». Анна знает войну по лишениям детских лет. Она родилась в Советском Союзе, у нас пошла в первый класс — отсюда ее великопный русский язык. Потом семья переехала в Польшу, во Вроцлав. Жизнь не обделила Анну трагедиями, страданиями.

После автомобильной катастрофы в Италии пять месяцев кошмарный гипсовый панцирь сжимал тело певицы, мешал дышать, доводил до обмороков, иступления. А все-таки исцеление длилось три года: три бесконечных года врачи сначала боролись за жизнь Анны, потом за ее здоровье, помогали, учили снова сидеть, стоять, ходить... Есть потрясающий фильм — я видел его по польскому телевидению — о возвращении Герман к жизни, на сцену. Все приходилось начинать заново, в том числе и пробовать голос, чего Анна в первый раз не смогла сделать — так разволновалась. Ее мужество и терпение, ее упорство и веру иначе как подвигом не назовешь.

К нам Анна Евгеньевна всегда едет с великой охотой и радостью. «Такой отзывчивой публики, сердечной и музыкально подготовленной, я не встречала нигде, — говорит артистка. — Ее нельзя обмануть. Она всегда по достоинству оценит хорошие песни, не обязательно самые эффектные».

Кстати, именно в Москве была записана ее самая первая пластинка.

Н. ЕРМОЛОВИЧ,
соб. корр. «Известий»
ВАРШАВА, июнь.